

Глава 7. Искусные речи и коварные замыслы

Цинь Вань, разумеется, оказался здесь не случайно. Он долго выжидал возможности столкнуться с Те Сюанем лицом к лицу.

Пока кузнец и Мо Чжэньчжэнь, совершенно не подозревая, что уже угодили в расставленные сети, осыпали своего спасителя благодарностями, Цинь Вань упивался моментом.

Обнаружив след беглеца, Цинь Вань тут же отправил отчет в Учение Тай-и. Он приготовился к выговору от главы Яна, но, к его удивлению, Ян Муянь прислал специального доверенного человека с весьма неожиданными указаниями. Глава не только похвалил его за решительность, но и приказал временно прекратить преследование. Вместо того чтобы убить Те Сюаня, его следовало «загонять», словно дикого зверя.

Поначалу Цинь Вань не понял задумки, но, поразмыслив, уловил суть. Те Гоу под пытками разболтал немало, но в момент жертвоприношения клинку его рядом не было — а значит, он не знал всей правды. Он выдал Те Сюаня лишь из желания прекратить муки, подробно описав события того дня. Цинь Вань подсчитал: среди убитых подмастерьев не было ни одного, кто подходил бы под описание любимого ученика мастера Те. Простая арифметика подтвердила наличие «лазейки» — один выживший все же ускользнул. Более того, Те Сюань не просто бежал куда глаза глядят, а целенаправленно двигался в определенную сторону. Это значило, что парень либо обладал важными сведениями, либо шел к конкретному человеку.

Цинь Вань примкнул к Учению Тай-и всего пару месяцев назад. Он был новичком, «зеленым» юнцом, и если бы не личное расположение Ян Муяня, он бы никогда не удержался на своем месте. Глава симпатизировал ему, но одного этого не хватало, чтобы заставить старейшин считаться с ним. Ему отчаянно требовались заслуги. Он знал достаточно тайн секты, чтобы понимать: некоторые вещи лучше не ворошить. Однако он верил, что для успеха нужно сначала наточить инструмент. Только будучи во всеоружии, можно ухватить удачу за хвост, когда она промелькнет мимо.

Спецпосланником главы оказался тот самый кучер — молчаливый Цянь Линь. Он был личным стражем Ян Муяня, и его назначение в помощники Цинь Ваню вызвало волну зависти в секте. Но сам Цинь Вань понимал: это не только поддержка, но и неусыпный надзор.

Что бы ни искал Ян Муянь, Цинь Ваню было плевать. Его единственная цель — выполнить задание, заполучить Семицветный клинок и с триумфом вернуться. Он грезил о дне, когда станет вторым после главы, когда те, кто когда-то унижал его, будут влачить жалкое существование, ловя каждый его вздох.

Ян Муянь велел не торопиться с расправой. Нужно было следовать за Те Сюанем и любыми способами втереться к нему в доверие. Дальнейшие действия определяют обстоятельства.

Цинь Вань считал, что это проще простого. Неужели так трудно обвести вокруг пальца простодушного силача с помощью пары изящных лживых слов?

Последние месяцы он не давал Те Сюаню передышку, но каждый раз приказывал людям отступать в шаг от поимки. План был прост: гнать кузнеца вперед, лишая сна и отдыха. Усталый человек теряет бдительность — так легче подобраться к нему вплотную.

Заметив, что Те Сюань ошарашенно на него смотрит, Цинь Вань вежливо кашлянул.

— Как мне... называть своего благодетеля? — Те Сюань наконец пришел в себя. Он хотел поблагодарить незнакомца, но осознал, что даже не знает его имени.

Цинь Вань налил гостям по чашке ароматного чая и неспешно начал:

— Мне довелось однажды встретиться с вашим учителем. Его суждения о ковке клинков были столь изящны, что я проникся к нему глубоким почтением. Недавно я решил навестить в его обитель, чтобы заказать меч, но, к своему ужасу, нашел лишь пепелище. Местные жители в один голос твердили, что никто не выжил... Горько осознавать, что мир лишился такого мастера.

У Те Сюаня голова пошла кругом от этой высокопарной речи.

— Сразу видно, что вы человек ученый, — пробормотал он, потирая затылок. — Но прошу вас, говорите проще, я в грамоте не силен, путаюсь... И почему я никогда не слышал о вас от учителя?

Мастер Те действительно каждый год покидал деревню ради странствий. Он привозил редкие материалы дляковки и диковинные безделушки. Многие в деревне хотели бы повидать мир, но старейшины твердили об опасностях мирской суеты, и люди оставляли эти затеи. За время своего бегства Те Сюань натерпелся всякого, но в душе оставался наивным, веря, что добрых людей больше, чем злых. Таких, как дядюшка Мо, или этот прекрасный, похожий на небожителя юноша, выручивший его из беды.

Цинь Вань достал изящный складной веер, лежавший на столе, и с сухим щелчком раскрыл его. На бумаге красовалась надпись летящей скорописью: «Блаженство в неведении». Он мягко обмахнулся им, пряча усмешку:

— Простите, привычка к книжной речи. Не берите в голову, брат Те.

Те Сюань поспешно замахал руками, пытаясь подражать собеседнику:

— Что вы, что вы!

— У меня нет постоянного дома, — со вздохом продолжил Цинь Вань. — Мы встречаемся лишь по воле судьбы. Ваш учитель знал мой нрав, потому и не поминал в разговорах с другими.

Те Сюань все еще испытывал тень сомнения, но он помнил слова наставника о том, что в мире полно великих мастеров, скрывающихся под личиной обычных людей. И внешность, и манеры незнакомца вполне соответствовали образу такого таинственного мудреца.

— Но как вы узнали, кто я? — внезапно спохватился кузнец.

Цинь Вань сложил веер и легонько стукнул им по ладони:

— Хороший вопрос...

Те Сюань замер в ожидании. Он украдкой глянул на Мо Чжэньчжэнь — та была озадачена не меньше него.

Цинь Вань слегка прикрыл глаза, словно погружаясь в раздумья:

— Брат Те, скажи, ты веришь мне?

— Ну... — Те Сюань замялся, не зная, что ответить.

Цинь Вань поднял взгляд и мягко улыбнулся:

— Неважно. Я буду говорить, а ты слушай. Верить или нет — решишь сам.

Те Сюань послушно кивнул.

— Я не принадлежу ни к одной школе, но искушен в искусстве предсказания и логических умозаключений. События в этом мире изменчивы, но у всего есть своя причина и следствие. Мелочи могут ускользнуть, но общие закономерности увидеть нетрудно.

Он обвел их внимательным взглядом:

— Вы оба выглядите измученными — дорожная пыль и лохмотья выдают долгий путь. Я видел вас на тракте еще до того, как вы подошли к городским воротам, просто мои дела задержали меня. Вы пришли со стороны запада, а там выбор путей невелик. К тому же, брат Те, твои мощные руки — это не просто дар природы, а результат многолетнего изнурительного труда с молотом...

Цинь Вань говорил уверенно, и Те Сюань с Мо Чжэньчжэнь невольно начали поддакивать. Когда речь зашла об одежде, девушка машинально попыталась разглядить помятый ворот.

— Возможно, ты сам не замечал, — продолжал Цинь Вань, — но твое левое плечо чуть

опущено. Обычная привычка кузнецов: держать заготовку в левой руке, а тяжелый молот в правой. Я прав?

Те Сюань ошарашенно закивал:

— Вы и впрямь удивительный человек... как только разглядели?

Цинь Вань тонко улыбнулся:

— Но главное не это. По пути сюда патрули усилили охрану, и лишь в Янчжоу хватка немного ослабла. При этом в городе полно подозрительных личностей из мира боевых искусств. А вы двое, хоть и спешите, несете на лицах печать глубокой скорби — вы недавно потеряли близких, и эта рана еще кровоточит...

Мо Чжэньчжэнь всхлипнула и прикрыла лицо узким рукавом, невольно прижимаясь к плечу Те Сюаня.

Кузнец, чье сердце вновь кольнула тоска, сначала хотел отстраниться, но быстро опомнился и неловко обнял девушку за плечи, пытаясь утешить.

Цинь Вань с едва уловимой иронией взглянул на них:

— Стало быть, вы... супруги?

— Нет! — выпалил Те Сюань.

Чжэньчжэнь и Цинь Вань уставились на него с недоумением.

— Чжэньчжэнь — моя нареченная, — поспешно объяснил Те Сюань.

Вообще-то, это уточнение было лишним: они уже поклонились Небу и Земле перед родителями. Почему же он подчеркнул, что она «еще не вошла в дом»? Рука кузнеца на плече девушки внезапно одеревенела.

Цинь Вань изобразил на лице вежливое понимание:

— Вот оно что. Но зачем же брату Те понадобилось идти на реку Циньхуай? Если у тебя уже есть такая прекрасная спутница... — он на миг замаялся, подбирая слова, — зачем тебе посещать столь... злчные места, полные музыки и порока?

Мо Чжэньчжэнь к этому моменту уже поняла, о чем речь. Сопровождая отца в торговых делах,

она знала о жизни куда больше Те Сюаня, просто до этого момента название реки не вызывало у нее дурных ассоциаций. Услышав слова Цинь Ваня, она бросила на кузнеца подозрительный взгляд.

— Учитель велел мне найти там одного человека! — оправдываясь, воскликнул Те Сюань.

Цинь Вань прикрыл губы веером. Хотя он не проронил ни звука, в его глазах плясали смешинки. Те Сюань окончательно смутился, чувствуя, как краснеет лицо. Он выглядел так, будто и впрямь совершил что-то постыдное.

— Брат Те, я верю тебе, — тихо произнесла Мо Чжэньчжэнь.

От этих слов Те Сюаню стало еще неловче. В карете повисла тяжелая тишина.

— Господин Цинь, мы прибыли, — раздался голос снаружи.

Лошади остановились. Цянь Линь откинул полог, закрепив его на крыше, и первым спрыгнул на землю.

Цинь Вань жестом предложил Те Сюаню выходить первым. Кузнец послушно спрыгнул и помог спуститься Чжэньчжэнь. Он так и не заметил, как задумчивый взгляд Цинь Ваня на мгновение прикипел к обмотанному кожей свертку у него за спиной.

— Эм... — Те Сюань воодушевленно протянул было руку Цинь Ваню, чтобы помочь, но тут же смущенно осекся.

Цинь Вань, словно не заметив его неловкости, мягко произнес:

— Я Цинь Вань. Можешь звать меня просто по имени.

У Те Сюаня от этого мелодичного голоса перехватило дыхание.

— Цинь Вань... Ты выглядишь таким хрупким, как истинный книжник. Давай я помогу тебе спуститься.

Стоявший рядом Цянь Линь чуть не расхохотался в голос. Ему стоило больших усилий сдержаться, отчего его лицо комично дернулось.

Цинь Вань хотел было отказаться, но потом решил, что для сближения с кузнецом роль слабого интеллигента пойдет на пользу. Он кивнул и, опираясь на горячую широкую ладонь Те Сюаня, легко спрыгнул на землю.

В момент, когда их руки соприкоснулись, оба ощутили странный, необъяснимый трепет. Те Сюань, привыкший к жару горна, был горячим, его ладонь — влажной и обжигающей. Цинь Вань же, посвящавший время каллиграфии и живописи, всегда следил за чистотой рук. По сравнению с кузнецом его пальцы показались Те Сюаню ледяными.

Грубые мозоли на руке Те Сюаня были слишком красноречивы — Цинь Вань еще раз убедился, что перед ним тот, кто ему нужен. А вот простодушный Те Сюань не обратил внимания на мозоли на пальцах и у основания большого пальца Цинь Ваня — такие отметины оставляет только мастерское владение оружием.

Когда они встали рядом, Те Сюань с удивлением понял, что Цинь Ваня никак не назовешь хрупким. Тот был даже немного выше кузнеца. За изящными манерами скрывались широкие плечи и прямая, как струна, спина. В нем чувствовалась порода и скрытая сила, вовсе не свойственная чахлам ученым.

— Брат Те... — негромкий зов Мо Чжэньчжэнь заставил кузнеца, словно очнувшегося от сна, быстро выпустить руку Цинь Ваня.

Цянь Линь с плохо скрываемым любопытством наблюдал за этой странной сценой, и он двусмысленно ухмыльнулся.

Цинь Вань внезапно почувствовал холод в ладони. Пока рука кузнеца грела его, он не замечал прохлады, но стоило контакту прерваться, как влажную кожу тут же обдало ледяным вечерним ветерком.

Благодаря серебру Цинь Ваня все проблемы решились мгновенно. Те Сюань и Мо Чжэньчжэнь получили по номеру класса «Земля» — прямо по соседству с комнатой их благодетеля.

Правда, при оформлении возникла заминка. Когда Цинь Вань спросил Те Сюаня, сколько комнат им нужно — одну или две, кузнец, не задумываясь, выпалил:

— Две.

Лицо Мо Чжэньчжэнь тут же омрачилось. Не то чтобы она была бесстыдной, но они уже считались супругами перед Небом. Если бы Те Сюань предложил одну комнату, она бы смутилась, но его поспешное «две» прозвучало так, будто он хочет от нее отгородиться. Любой женщине на ее месте стало бы обидно. Впрочем, Чжэньчжэнь была не из тех, кто устраивает сцены, и смолчала, хоть и выглядела недовольной.

Цинь Вань едва заметно усмехнулся, глядя на эту сцену, отчего Те Сюань почувствовал непонятную тревогу.

Поскольку до ужина оставалось время, Цинь Вань распорядился приготовить для каждого

горячую ванну, чтобы смыть дорожную усталость.

Те Сюань был тронут такой заботой, но мысли о реке Циньхуай не давали ему покоя.

— Господин... Цинь, когда же мы отправимся на Циньхуай?

Не успел Цинь Вань открыть рот, как влез трактирщик:

— Ох, уважаемый гость, ну и нетерпеливы же вы! На Циньхуай едут вечером. Сейчас вы там ни одной девицы не сыщете...

Те Сюань захлопал глазами:

— А почему девицы бывают там только по ночам?

Цинь Вань приснул со смеху:

— Брат Те, забудь ты про «господина», зови просто Цинь Вань. Цветочные ладьи на реке пришвартовываются только после заката — таков закон властей.

Те Сюань глупо охнул, а потом спохватился:

— Да не нужны мне девицы!

Цинь Вань с интересом приподнял бровь:

— Вот как? А кто же тогда?

Кузнец огляделся по сторонам и виновато замолк.

— Если брату Те неудобно говорить, я не настаиваю, — деликатно прервал его Цинь Вань. — Сначала искупайтесь, отдохните, а потом я покажу вам город.

Оказавшись в роскошном номере, Те Сюань поначалу даже боялся присесть, настолько все вокруг казалось дорогим. Когда слуга притащил бадью с водой, кузнец все еще сидел на табурете с самым нелепым видом.

По иронии судьбы, воду принес тот самый малый, который давеча насмеялся над ним у ворот. При Те Сюане он промолчал, деловито расставил принадлежности для мытья и новую одежду, приготовленную по приказу Цинь Ваня. Но едва за ним закрылась дверь, кузнец отчетливо

услышал презрительный шепот:

— Деревенщина...

Те Сюань не обиделся — он привык не принимать близко к сердцу чужую злобу. Напротив, слова слуги подействовали на него отрезвляюще. Раз уж все равно над ним смеются, к чему эта излишняя скромность и зажатость?

Впервые за долгое время побега он по-настоящему расслабился в горячей воде, не вылезая из бадьи, пока та почти не остыла.

Капли воды сверкали на его бронзовой коже. Годы, проведенные у наковальни, на удивление не оставили на его теле шрамов от искр, лишь вылепили рельефные мышцы. Вытираясь полотенцем, Те Сюань осторожно развернул обновки и снова вспомнил о Цинь Ване. Всю жизнь Те Сюань видел вокруг только потных, закопченных мужчин, привыкших работать с голым торсом. Его мир состоял из жара горна и блестящей от пота кожи. Никто и никогда не казался ему таким чистым и... красивым, как Цинь Вань.

Одевшись, он наконец смыл с лица многодневную грязь, вымыл и аккуратно собрал в хвост волосы. В зеркале на него взглянул статный юноша с волевым лицом и ясным, пронзительным взглядом.

<http://bllate.org/book/17419/1653359>